

В. Б. Кашкин, Д. Г. Шталов (Воронеж)

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО АКТИВНОГО ПОЗНАНИЯ

В статье рассмотрена проблема метафоры как художественного средства и как основного средства познавательной деятельности человека, отражающейся в языке.

The article is focused on metaphor as a means of artistic expression in text, and as the main human cognition instrument as expressed in language.

В языкознании и литературоведении широко распространён формально-функциональный подход к изучению метафоры, которая рассматривается как средство выразительности, выполняющее эстетическую функцию. Между тем, с точки зрения когнитивной теории метафоры, метафора существует, прежде всего, в виде метафорического концепта в человеческом сознании. Обусловленная физическим и духовным опытом человека, метафоризация является мощным средством создания концептуальной картины мира.

Познавательная функция метафоры вызывала интерес многих выдающихся исследователей (Аристотель, Налимов, Лакофф, Арутюнова, Скляревская и др.). В работах В. В. Налимова высказывались идеи о принципиальной метафоричности (и даже мифологичности) языка науки (Налимов 1979 или Налимов, Дрогалина 1995), аналогичные мысли высказывал и С. С. Гусев (Гусев 1984). М. Лабашук обращается к метафоре как к универсальному способу познания не только в научном, но и в художественном дискурсе, в словесном мышлении вообще (Лабашук 1999).

Конец двадцатого века и начало текущего действительно были связаны с оживлением интереса к вне-научному познанию, бытовому мышлению, обыденной философии и т.п. Впрочем, начало ушедшего XX столетия также было отмечено осознанием кризиса тогдашней науки, потери связи науки с реальной жизнью человека в окружающем его мире – *Weltleben*, по Э. Гуссерлю (Husserl 1970: XL-XVI). Философское творчество Гуссерля, Башляра, Лосева, Рорти и др. было во многих аспектах связано с методологическим осознанием необходимости такой связи. Г. Башляр говорил о науке как о постоянном исправлении ошибок. Признавая, что «всякая реальная наука

мифологична», А.Ф.Лосев отмечал схематические, аллегорические и усложнено-символические слои в мифе-символе (Лосев 2004: 20, 57 и др.).

А если вспомнить изыскания в области методологии науки в предшествующие века в плане соотношения обыденного, научного и философского познания (Бэкон, Ник. Кузанский, Кант, Гегель, и др.), то вопрос о границе различных видов познания можно признать вечным. Не зря в известной монографии Г. Н. Скляревской в качестве эпиграфа взяты слова Мандельштама: «Только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» (Скляревская 2004: 8, ср. также с.10). Познание есть бытие, и бытие есть сравнение.

Обычно различают бытовое (повседневное, наивное) и научное познание. Некоторые авторы также разделяют познание – точнее, словесное познание – на научное и художественное. В качестве главного средства познания во всех типах мышления и познания признается метафора, основой понимания внешнего мира – обыденные понятия. Обыденные понятия и обыденное мышление «являются тем фундаментом, на котором строится обыденно-философское мировоззрение, дающее в своих лучших и последовательно выдержанных образцах науку и искусство» (Лабашук 1999: 23).

Такое преувеличение значимости науки достаточно распространено. Можно сказать, что многие авторы вольно или невольно находятся в плену мифологемы особой ценности научного познания, при этом научность почти исключительно связывается с наукой XX века: «обыденное мышление характеризуется и образностью, и понятийностью, ему не свойственно лишь рефлексирование над этими реалиями, их осознание» (Лабашук 1999: 39). Сциентистский, рационалистический, механистический подход в науке объявляет безоговорочный *во-тум недоверия* метафоре (Там же: 57-58).

Несмотря на эвристический характер метафоры, на ее моделирующую роль в мышлении вообще, обыденные понятия и обыденное познание предстают как ненаучное, первобытное, примитивное понимание, лежащее в основе истинно научного понимания внешнего мира. Обыденные понятия считаются простыми, обыденное понимание – прямым и непосредственным. Научные же понятия обычно считаются более сложными

и опосредованными. Это не совсем верно по двум причинам. Во-первых, наивное мировосприятие не является никогда непосредственным, семиотический характер познавательной деятельности человека исключает непосредственность по своей сути. Человек, как *Animal symbolicum* (выражение Эрнста Кассирера), общается со средой только через посредство знаковых систем, язык и языки (в том числе и невербальные) играют роль посредника между человеком и другим человеком, между человеком и окружающим его миром. Во-вторых, развитие науки вовсе не отрицает продолжения собственного развития бытового познания, религии, искусства и т.п. 'альтернативных' способов познания окружающего мира. Даже диалектического отрицания, то есть, поглощения наукой в себя 'на более высоком уровне' развития взглядов наивно-бытового познания не наблюдается до конца. «Когда «наука» разрушает «миф», то это значит только то, что *одна мифология борется с другой мифологией*» (Лосев 2004: 21). Метафора как средство познания и обозначения по своей сути универсальна для всех сфер бытия и сознания, независимо от их взаимоотношений между собой.

Отрицания одного способа познания другим не происходит ни в онтогенезе, ни в филогенезе. Разные способы познания сосуществуют в обществе, находясь в отношении взаимной дополнительности (принцип Нильса Бора), как разные языки, разные парадигмы описания окружающей среды и организации деятельности в ней. Эти разные способы сосуществуют и в одной личности как различные 'голоса' (Верч 1996: 23-24), различные поведенческие парадигмы. Не секрет, что профессиональный ученый или квалифицированный специалист в повседневной жизни, в быту – да даже и в процессе осуществления своей профессиональной деятельности (Нгуен-Ксуан 1996, Van Lier 1997 и др.) – часто пользуется ненаучными понятиями. В то же время, именно в XX веке влияние науки на другие сферы человеческого познания проявилось с особой, даже иногда агрессивной жесткостью. Это влияние не всегда получало положительную оценку, науке не всегда отдавалось особое предпочтение: В.В.Налимов так писал о мифе и метафоре в науке: наука не спасает от мифа, она лишь создает новую мифологию в каждой новой парадигме (Налимов 1995: 75).

В самой науке построения строятся на мифоподобных, метафорических системах. Ведь, честно говоря, *флогистон* и

эфир XIX века ничем не лучше *полей* века XX. «Все эти бесконечные физики, химики, механики и астрономы *имеют совершенно богословские представления о своих «силах», «законах», «материи», «электронах», «газах», «жидкостях», «телах», «теплоте», «электричестве» и т.д.»* (Лосев 1994: 27).

Метафора (в широком смысле, то есть, *мета-фора*, пере-нос) является, фактически, единственным способом обозначения в семиотических системах. Даже человек с мешком у Дж.Свифта, употреблявший предметы вместо слов, доставая, например, ключ и предъявляя его вместо слова *ключ*, фактически, *обобщал класс ключей* разной формы, объединяемый по принципу фамильного сродства. И здесь всякий раз происходил перенос – *мета-фора* – при обозначении каждого последующего ключа. Язык и коммуникация возникают из страха перед пространством, временем и множественностью предметов, из потребности выжить в постоянно текущем и изменяющемся мире. Континуальность пространства и времени дискретизируется человеком (как индивидуальным субъектом, так и совокупным индивидом) с помощью знаков (словесных знаков) для создания опоры своим действиям в окружающей среде. Множественность таких опор также должна быть преодолена человеком через обобщение: метафора, таким образом, становится необходимым средством и способом интеллектуального выживания.

Метафора соотносится с основаниями семиозиса как такового. *Aliquis stat pro aliquo* как принцип семиотики применим и к метафорическому обозначению, «к любым видам употребления слов в непрямом значении» (Арутюнова 1990: 296). Провозглашенная Пирсом бесконечность семиозиса отражается и в том, что «метафора – это колыбель семантики всех полных и служебных слов» (Арутюнова 1999: 348).

В соответствии с традиционной категоризацией мира, объективная действительность структурируется как состоящая из человека, объектов, его окружающих, и пространства, в котором расположены и перемещаются человек и объекты. Человек воспринимает окружающий мир с помощью пяти чувств. Чувственная информация обрабатывается сознанием. Сознание формирует понятия, которые можно разделить на две группы: понятия, отражающие объективную действительность (это по-

нения о чувствах, о человеке, об объектах, о пространстве) и абстрактные понятия, не имеющие денотата.

Таким образом, познание может быть направлено на человека (самопознание), а также на объекты, пространство, чувства, сознание и абстрактные сущности, созданные сознанием. Познание любой конкретной или абстрактной сущности осуществляется по соотношению с другой конкретной или абстрактной сущностью. Познание может иметь линейную структуру, когда одна сущность осознается по соположению с другой. В этом случае познающий субъект играет пассивную роль в процессе познания, которое навязывается субъекту объективной действительностью. В другом случае активный субъект совершает мысленный прыжок от одной сущности к другой и создает субъективную действительность с целью осознать действительность объективную. Пассивное познание осуществляется по метонимической оси мышления, тогда как активное познание проходит по метафорической оси.

Согласно предложенной категоризации мира можно выделить следующие модели активного познания.

Познание объективной сущности осуществляется на субъективном основании – по сходству с другой объективной сущностью. В этом случае соотносятся понятия, обозначающие предметные, дискретные сущности (человек осмысляется как объект, объект – как человек, объект – как другой объект, человек – как другой человек, часть человека – как другая часть человека, часть объекта – как другая часть объекта).

Познание объективной сущности осуществляется на субъективном основании – по сходству с другой объективной сущностью. В этом случае соотносятся понятия, обозначающие чувства человека и сознание. Если взять шесть чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, температурные ощущения, то обнаружится, что часто одно более сложное чувство (или же восприятие, понимание) структурно упорядочивается в рамках структуры другого чувства. Понимание часто метафорически осмысляется как чувство, так как «все наше мышление детерминируется чувственными факторами» (Жоль 1984: 131). Так как наибольшее количество информации об окружающем мире человек получает с помощью зрения, то постижение мира осмыляется в рамках синестетического метафорического концепта **ПОНИМАНИЕ – ЭТО ЗРЕНИЕ**. Понимать – значит

«иметь тот или иной взгляд, ту или иную точку зрения на кого-то, что-л.» (Кузнецов 1998: 919).

Познание субъективной, абстрактной сущности осуществляется на субъективном основании – по сходству с объективной сущностью. Непредметная, недискретная сущность осмысливается как предметная и дискретная. Метафоры подобного рода Лакофф называет онтологическими. Это «способы трактовки событий, действий, эмоций, идей и т. п. как предметов и веществ». «Осмысление нашего опыта в терминах объектов и веществ позволяет нам вычленять некоторые части нашего опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа. Коль скоро мы можем представить данные нашего опыта в виде предметов или веществ, мы можем ссылаться на них, объединять их в категории, классифицировать их и определять их количество, тем самым мы можем рассуждать о них» (Лакофф: [http](#)). С точки зрения Макса Блэка, онтологическая метафора входит в обширную категорию признаковых метафор и заключается в употреблении атрибута или действия предмета или человека по отношению к отвлеченному понятию. «Признаковая метафора характеризует непредметные сущности, свойства которых выделяются по аналогии с доступными восприятию признаками физических предметов и явлений. Она создает лексику «невидимых миров» – духовного начала человека, его внутреннего мира, эмоций» (Блэк: [http](#)).

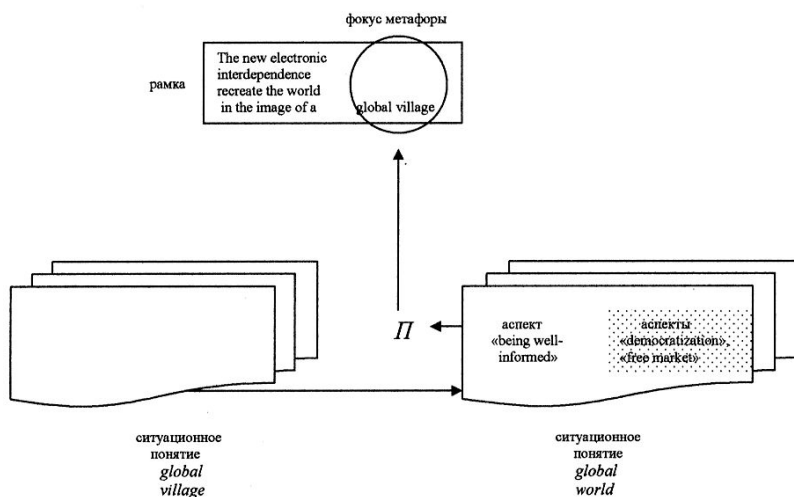
В зависимости от характера области-источника (неодушевленный предмет или одушевленный предмет) онтологическая метафора может быть соответственно овеществляющей (например, ПСИХИКА – ЭТО ХРУПКИЙ ПРЕДМЕТ) и биоморфной, в том числе антропоморфной (например, СОВЕСТЬ – ЭТО СТРАЖ).

4. Познание субъективной, абстрактной сущности осуществляется на субъективном основании – по сходству с объективной сущностью. В этом случае абстрактные понятия осмысливаются как пространство. Данный тип метафоры включает пространственную метафору (например, СОСТОЯНИЕ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО: *приходить в уныние*), а также ориентационную метафору. В отличие от пространственной метафоры, ориентационная метафора предполагает полярность признаков. Как стрелка компаса, ориентационная метафора указывает

ет на противоположные признаки (СЧАСТЬЕ – ВВЕРХ, ГРУСТЬ – ВНИЗ). Кроме того, ориентационная метафора интенсифицирует положительную или отрицательную оценочность понятия. Включая понятие в систему ориентационных противопоставлений, ориентационная метафора автоматически предполагает восприятие понятий в антонимической оппозиции, характеризующейся положительной и отрицательной оценочностью.

5. Познание субъективной, абстрактной сущности осуществляется на субъективном основании – по сходству с другой субъективной, абстрактной сущностью. В этом случае более абстрактная сущность осмысляется как менее абстрактная (например, метафорический концепт МОРАЛЬНОСТЬ – ЭТО ЧИСТОТА).

Таким образом, метафорическое мышление – это преодоление хаоса мироздания, вычленение из бесконечной энтропии конечного понятия – метафорического концепта. Механизм образования метафорического концепта как средства активного познания может быть представлен на примере высказывания известного американского теоретика коммуникации Маршалла Мак-Люэна.

В результате структурного упорядочивания ситуационного понятия GLOBAL WORLD в рамках структуры ситуационного понятия GLOBAL VILLAGE, происходит «затемнение» (термин Лакоффа), или «фильтрация» (термин Блэка) определенных аспектов понятия GLOBAL WORLD и «высвечивание» аспектов, соотносимых со структурой понятия GLOBAL VILLAGE. Образуется промежуточное понятие (П), общее для понятия VILLAGE и понятия WORLD. Это общее понятие (П) и является метафорическим концептом GLOBAL WORLD is GLOBAL VILLAGE.

Динамическая природа познания обуславливает двоякую функциональность метафорического концепта. Выполняя эвристическую функцию, метафора способствует осмыслению новых понятий путем захвата и освоения новой области-цели с использованием известных источников. Реализуя деконструктивную функцию, метафора разрушает сложившиеся стереотипы сознания. С психологической точки зрения, метафорическая деконструкция представляет собой рефрейминг известной области-цели посредством использования нового источника, что позволяет по-новому осознать определенную сущность:

"We're free to talk to anybody; so why shouldn't we be free to make love to any woman who inclines us that way?"

"There speaks the lascivious Celt," said Clifford.

"Lascivious! well, why not? I can't see I do a woman any more harm by sleeping with her than by dancing with her... or even talking to her about the weather. It's just an interchange of sensations instead of ideas, so why not?" (Д.Г. Лоуренс).

Итак, можно сделать вывод, что познание мира и самопознание невозможно без метафорического мышления. Осмысление себя как части мироздания и мира как самого себя, уподобление одного фрагмента действительности другому, селекция одной частицы концептосферы для сравнения ее с другой частицей – это первостепенные механизмы образования бесконечного числа концептов, которые в итоге складываются в единую картину мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С.296-297.

2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.
3. Блэк М. Метафора. – (<http://metaphor.narod.niMackmain.htm>).
4. Гак В.К. Метафора: универсальное и специфическое / В.Н. Телия (ред.) // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988.
5. Гусев С.С. Наука и метафора. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
6. Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. – Киев: Наукова думка, 1984.
7. Лабашук М. Слово в науке и искусстве: научное и художественное осмысление феноменов вербального мышления. – Тернопіль: Підручники і посібники, 1999. – 272 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – (<http://www.philology.ru/Linguistics/lakoff-johnson-90.htm>).
9. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
10. Налимов В.В.. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1979. – 304 с.
11. Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. – М.: Мир Идей, 1995. – 432 с.
12. Нгуен-Ксуан ан. Ментальные модели физических явлений, связанные с повседневной жизнью // Иностранная психология.– 1996. – №6.
13. Опарина Е.О. Концептуальная метафора / Телия В.Н. (ред.) // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988.
14. Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н.Склярёвская. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.
15. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Теория метафоры. – М., 1990.
16. Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique. – Paris: Librairie philosophique, 1977.
17. Husserl E. The Crisis of European Science and Transcendental Phenomena. – Evanston: N.-W. Univ. Press, 1970.
18. Lier L. van. Language Awareness, Contingency, and Interaction // *APLA Review*. – 1994. – 11. – С.69-82.
19. McLuhan M. Essential McLuhan. – Concord, Ont.: Basic Books, 1996.

Источники

1. Кузнецов С.А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2003.
2. Лоуренс Д.Г. Любовник леди Чаттерлей (*Lady Chatterley's Lover*). – М.: Юпитер-Интер, 2003.
3. *Oxford dictionary of modern quotations*. – Oxford: Oxford University Press, 1996.

Получено 14.05.2006 Воронежский государственный университет

Кашкин, Вячеслав Борисович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета; kashkin2000@narod.ru; <http://kachkine.narod.ru/>.

Шаталов, Дмитрий Геннадьевич – студент факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета.